

Сиповский Василий Васильевич

Коронка в пиках до валета

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-312.4

ББК 84-4

Сиповский Василий Васильевич

Коронка в пиках до валета / Сиповский Василий Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2011. – 146 с.

ISBN 978-5-4241-1676-6

Книга издана под псевдонимом В. Новодворский История продажи Россией Аляски в авантюрно-детективном жанре Первое издание (с комментариями) романов известного отечественного литературоведа В.В.Сиповского (1872-1930), автора многочисленных учебников и хрестоматий, а также исследований по истории русской литературы. Включенные в сборник авантюрные романы, вышедшие под псевдонимом "В.Новодворский" в 1929 и 1930 гг., – достойные образцы беллетристики той эпохи. Они могут заинтересовать не только любителя жанра, но и вызвать особый интерес специалистов – они представляют собой своеобразную литературную игру и отражают стремление автора включиться в полемику о целях и задачах филологической науки.

ISBN 978-5-4241-1676-6

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Василий НОВОДВОРСКИЙ
(Василий Васильевич
Сиповский)
Коронка в пиках до валета

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Аляска была продана США за 7200000 долларов. Так дешево?... Да нет! — гораздо дешевле, если сосчитать, сколько человеческих жизней, сколько сил стоила она России! А, пожалуй, и не так дешево, если принять в расчет, сколько кроме этих 7200000 долларов рассовало американское правительство по карманам разных «влиятельных» особ, стоявших на разных ступенях царского трона.

В истории русского капитализма вопрос об Аляске — одна из интереснейших страниц.

В течение полутора столетий тянулись к Аляске жадные руки русских авантюристов. Эти руки шарили по далеким холодным берегам полуострова, но только поверху, не вторгаясь в недра Аляски.

Русские люди гнались за драгоценными мехами, но не знали того, что Аляска хранит в себе огромные запасы золота.

Потом руки отдельных хищников соединились — образовалась компания финансистов под названием «Российско-Американская компания». С этого времени хищничество приняло широкий и организованный характер: зверей избивали беспощадно, туземцев теснили, душили, сознательно вели их к гибели, к вырождению.

Но и «Компания» не знала о существовании золота на Аляске или, точнее, не подозревала об его количестве.

Однако более умелые хищники, и самые предприимчивые из них — американцы, разнюхали об аляскинском золоте, но сумели долго держать эту тайну Аляски про себя и в то же время повели такую политику, которая должна была вытеснить Россию с американского материка.

Роман «Коронка в пиках до валета» представляет собой попытку подойти к разрешению заманчивой исторической загадки, попытку раскрыть тайну грандиозной финансовой спекуляции, которая привела к тому, что русское правительство ловко одурачил более умный и ловкий конкурент.

В. НОВОДВОРСКИЙ

Путешествие
ЭРАСТА КРУТОЛОВОВА

*в Москву и Санкт-Петербург
в 30-х годах XIX столетия*

**КОРОНКА В ПИКАХ
ДО ВАЛЕТА**

*Тайна одной
промышленной компании*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Детство и юность

— Ура!.. Делавары!.. Попал! Принят! — орал Илья Маклецов, увидев на Старопонтонной своих двух приятелей, босоногих мальчишек.

— Вре?! — воскликнул один из его приятелей, Тишка, который вообще был скептиком.

— Здорово! — заорал радостно второй, обладавший натурой восторженной. Он сразу поверил, что их товарищ, Ильюшка Маклецов, выдержал вступительные экзамены в Морской корпус — попал в список «принятых»... Ильюшка понесся ураганом по Старопонтонной, завернул в Якорный переулок и подбежал к маленькому деревянному домику за Ъ 23... На домике была железная, уже проржавевшая дощечка, на которой с трудом можно было прочесть: «Сей дом принадлежит вдове штурмана дальнего плавания. Андрея Ивановича Маклецова, Марии Кузьминишне Маклецовой».

Ильюшка ворвался в калитку и сразу попал в объятия лохматого Пирата, который с радостным визгом и лаем кинулся к нему на грудь.

— Попал, Пиратушка!.. Ей богу, попал!.. Поздравь! — вопил Илья, целуя Пирата в морду... И вдруг он оттолкнул Пирата и замер... Сияющее радостное лицо мальчика сразу омрачилось... Он заметил, что в их садике какая-то тряпка, висевшая на заборе, вдруг, при его появлении на дворе, словно сорвалась куда-то вниз и исчезла в соседнем саду.

— Ленка! Опять ты черемуху ломаешь? Вот погоди, я тебя! — завопил он яростно, забыв все на свете... Дело в том, что соседская девчонка, Ленка Мишурина, постоянно таскала черемуху из сада Маклецовых. Крала и яблоки «белый налив», который доверчиво протягивал свои ветви через забор из сада Маклецовых в соседний садик Мишуриных. Несмотря на постоянную, многолетнюю борьбу Ильи с Ленкой, упорная девчонка не унималась... Не мешали ей даже острые гвозди, наколоченные на заборе Маклецовых остриями вверх.

— Я тебе покажу! — грозился кулаком Ильюшка, подбежав к забору и заглядывая в соседний сад.

— Покажешь! Фига тебе! — кричала издали бедовая Ленка. Она была недовольна быстрым и неожиданным возвращением Ильи...

— А вот и посмотришь! — зловеще крикнул Илья.

И в тот же вечер Ленка редела над своим любимым белым котом Маркизом, который стараниями Ильи был превращен в «бенгальского тигра» — вымазан охрой весь и с головы до конца хвоста разрисован черными полосами!

...А на другой день — величественный зал Морского корпуса... Бесконечно длинные ряды кадетов и гардемарин с ружьями. Посреди зала стоят они, «новички», в тесных новеньких мундирчиках, в белых штанах со штрипками... Стоят навтыжку... Дохнуть бояться... И гремят, ревут, заливаются трубы, фанфары и морские рожки... Блестящая толпа многочисленного начальства, в крестах и звездах, с лентами через плечо, в расшитых золотом черных мундирах... Во главе — старенький адмирал Телятев, начальник Корпуса... Он что-то говорит новичкам, а что, — сам черт не разберет!.. Шамкает что-то...

...В утомленную голову Ильи вдруг полезли мысли о Гавани.

Двенадцать часов сейчас.

Там, в Гавани, сейчас ребята играют в городки, а он с бритой головешкой, задыхаясь в тесном мундирчике, стоит, проглотив аршин, круто повернув шею, выпучив глаза на какие-то неведомые ему черные мундиры, расшитые золотом...

Лезет другая назойливая мысль...

...Ленка бессовестно ломает черемуху, сидя верхом на заборе (там место есть одно, без гвоздей... эх, забыл! Надо было набить!)...

...К прошлому нет возврата. Как все это прошлое далеко, далеко!

...Новые товарищи. Чужие лица. Стройный породистый князь Холмский, этот еще ничего!.. Носа не задирает. Кажись, простой... А вот князь Чибисов да еще не просто Чибисов, а Чибисов-Долгоухий!.. Или граф Потатугев — оба дрянь!.. Форсунишки!.. Барон фон-Фрейшютц... Длинный, белобрысый и надменный... Сволочь!.. В Гавань бы его заманить!.. Ну хоть бы на полчаса... Вот бы «делаварь» ему шею наковывряли!.. Все сынки генералов, адмиралов. Все фамилии, бьющие в нос славой отцов и дедов!

Но кроме них, этих баловней фортуны, конечно есть и свои. Дети так сказать «морской демократии», обер-офицерские дети. Их даже больше, чем аристократов. Сыновья лейтенантов и даже штурманов — этих скромных безвестных тружеников моря, которых в случае их смерти просто вычеркивают из списков и которым никаких памятников никогда не ставят...

Илья был штурманским сыном, то есть принадлежал в Корпусе к самой низшей социальной категории, и потому держался в стороне от аристократов... Те подкатывали к Корпусу на собственных рысаках, разговаривали друг с другом по-французски, по-английски, а Илья и его «братия» плелись пешком, иностранных языков не знали, да и по-русски-то говорили иногда на гаванском диалекте.

Ротный командир Ильи, лейтенант Калугин, по-видимому, был большой стервец. Кривляка, всегда надушенный и припомаженный, влюбленный в самого себя, он постоянно зорко всматривался в лица кадетов, — все смотрел вокруг себя, не смеется ли кто. Это был его «пунктик». Всякий смех он принимал на свой счет, — над ним, де, смеются. И за каждую даже беглую улыбку посылал воспитанников в карцер, а то и на «барабан», то есть под розги к боцману Дудке, специалисту по экзекуциям.

Конечно, князья и графы этим унижительным наказаниям не подвергались. Калугин, скрепя сердце, разрешал им не только улыбаться, но и смеяться (и как злоупотребляли этим правом сиятельные!), но тем горше приходилось детям скромных обер-офицерских чинов!

Розги в Морском корпусе (как и во всех прочих учебных заведениях тогдашнего времени) процветали вовсю.

Даже курьезы происходили.

Одного кадета, как раз из роты Ильи, выдрали три раза в течение часа. Читал молитву, соврал что-то: слово или пропустил, или переставил — выдрали. Заставили повторить молитву. Опять, бедняга, соврал, и опять на том же месте. Выпороли еще раз! В третий раз читает — опять та же история! Еще раз вприснули! И каждый раз все солонее!..

Старый адмирал, директор Корпуса, добряк, но вовсе выживший из ума, подарил кадетам коньки, по десяти пар на роту. Кажись, катайся вовсю? Наце-

пили коньки. Пошли вензеля на льду вырисовывать. А ротные командиры тут как тут! Всех, кто катался, приказали выпороть, потому, де, катанье на коньках регламентом Корпуса не предусмотрено. Иди к директору, жалуйся!

Преподаватели были из рук вон плохи — заставляли все «брать на зубок» — от «энтих до энтих». И если кадет вставлял в ответ свои слова или менял порядок слов, ответ его признавался неудовлетворительным, а в результате — порка и оставление без отпуска!

— Ты, брат, завирайся! Главное, ты не умничай! Не глупей тебя люди книги писали. Говори, как в книге, — ворчал Марк Фомич Гарковенко, учитель истории, колотя серебряной табакеркой по маковке отвечавшего.

Этот Гарковенко, по крайней мере, различия не делал — барабанил своей табакеркой не только «демократов», но и «аристократов» (последних, кажется, даже с особым удовольствием).

Маклецов учился из первых. Отставной капитан 2-го ранга Тихон Кириллыч Смагин, проживавший в Гавани, друг их дома, сумел хорошо подготовить Илью к Корпусу. Поэтому Илья на первом курсе знал больше, чем требовалось, и в первый год пребывания в Корпусе почти и не учился. Тем сильнее налег он на чтение, — накинудся на разные путешествия, особенно на морские и по преимуществу в северные моря, — его с детства тянуло туда, где безвестной смертью погиб его бедный отец.

Однажды во время урока истории он зачитался путешествиями капитана Кука. Вдруг табакерка Гарковенко пребольно ударила его по черепу.

— Ты это что? Это что у тебя? Покажь-ка!..

Растерявшись, Илья схватился за голову (этот черт Гарковенко умел ударить в самые чувствительные места) и пролепетал:

— Ка... Ка... питана Ку... Кук!..

— Ка-ка? Ку-кук? Хо, хо! — захрохотал Гарковенко, а вслед за ним весь класс.

— Ка-ка! Ку-кук!

— Ну и будь отныне «кукуком», — радостно воскликнул преподаватель.

Так и стал Илья Маклецов в Корпусе «капитаном Кукуком», или попросту: «Ку-куком». Это прозвище так и осталось за ним до окончания курса.

В первый же отпуск Илья вернулся в родную Гавань совсем другим человеком — словно за одну неделю его переродил Морской корпус. К Пирату отнесся свысока-покровительственно и даже ругнул его за то, что он обмазал мордой форменные белые штаны. Увидев на заборе Ленку, доламывающую последнюю черемуху, он отвернулся и ничего не сказал, будто не видел. Только по сердцу злость царапнула...

В Корпусе «капитан Кукук» был на хорошем счету и потому редко попадал на «барабан» (а все же вначале несколько раз налетел!). Все свободное время сидел он с книгами или внимательно изучал Морской музей при Корпусе. Там собраны были великолепные модели морских военных судов, много было картин, изображающих знаменитые морские баталии, много было портретов разных адмиралов и капитанов, прославивших свое имя. Но особенно интересовали Илью манекены, одетые в меховые костюмы инородцев далекого севера — камчадалы, алеуты, чукчи — все в рост человека. Они стояли перед Илеей жутко неподвижные в своих узорчатых мехах и смотрели безучастно куда-то в пространство своими стеклянными глазами. Из этих манекенов у Илии был один

любимец — кенаец с Аляски, с широким желтым лицом и косыми узенькими монгольскими глазами... Почему-то около него «капитан Кукук» стоял всегда особенно долго...

...В корпусе Илья держался в стороне от товарищей даже своего круга. Только с князем Вадимом Холмским он как-то сблизился, но и то не по своему желанию — князь, по-видимому, сам упорно искал с ним сближения.

Странный был юноша, этот богач, аристократ, князь, Рюрикович по крови. Ему противна была спесь юношей его круга, которые в обращении с товарищами низшего происхождения всегда старались дать им почувствовать свое сословное превосходство.

Всякая такая выходка «сиятельных» всегда больно задевала князя Холмского, и он, словно в пику им, тянулся к товарищам, в жилах которых не было ни капли «голубой крови».

Если не было у них этой крови, то была сила духа, был ясный разум и было знание жизни — и это сознавал Вадим Холмский.

Он мало интересовался морскими науками — к путешествиям был равнодушен, у него рано появились какие-то книги, которые он читал тайком от товарищей и умел их прятать. И никто в Корпусе не знал, что читает Вадим.

Первые места в Корпусе занимали, конечно, княжичи, графчики, барончики, адмиральские сынки — все фавориты ротных командиров. Благородные зады сиятельных были освобождены раз навсегда от порки, и высшие баллы сыпались на них, как из рога изобилия. Ober-офицерские сыновья каждый балл брали с бою, и все-таки к ним придирались все: и преподаватели, и ротные.

Илья со всеми был ровен и мягок и от всех был равно далек. С первого курса он почувствовал себя как-то старше других. Большинство его товарищей еще были мальчишки, а у него была уже определенная цель жизни — плавать у берегов Камчатки и Аляски, бороться со льдами Северного Ледовитого океана. Эта ребяческая мечта, с которой он пришел в Корпус, благодаря чтению, с годами выросла и укрепилась. Товарищи его мечтали о сверкающей лазури Средиземного моря, а «капитана Кукука» кенаец из корпусного Музея, подмигивая ему косыми глазами, звал к себе на далекий север, обещая раскрыть нераскрытые тайны вечно холодного неприветного моря.

Князь Вадим Холмский сумел победить строптивое сердце Ильи. Между ними завязалась дружба, но странная: она долго ограничивалась стенами Корпуса, в гости к сиятельному товарищу в его барский особняк на Английской набережной Илья не шел, и в Гавань к себе его не приглашал.

...Шли годы... Не шли, а летели!.. Мать Ильи на глазах старела — тяжело переживала она потерю мужа! На их домике прибавилось плесени на фундаменте... Крыша словно стала прогибаться. Самый домик как будто понемногу врос в землю... Ленка уже перестала воровать черемуху и яблоки... «Капитан Кукук» перестал ее третировать, — стал звать, как все — Леной, даже изредка Леночкой... Прошло еще года два, и однажды он назвал ее Еленой Павловной. И оба почему-то вдруг покраснели. С «ты» они перешли на «вы». Детство кончилось, наступила юность...

Однажды осенью он, улыбаясь, преподнес ей целый ворох спелой черемухи. Елена Павловна покраснела и засмеялась, взяла этот огромный пук, сказала: «Мерси» и прибавила: «Вы, Илья Андреевич, сделались любезнее и добрее.

Куда девалась ваша скупость?»... Помолчала и задумчиво прибавила: «Знаете, а я все еще люблю эту черемуху. Быть может, потому, что в детстве было так трудно и так опасно добывать ее из вашего сада?». Оба засмеялись и задумались...

...Илья уже гардемарин. Только что вернулся из плавания... Высокий, серьезный, с лицом умным, энергичным и резко очерченным. Он стоял около Елены и держал ее за руку.

Она — красивая стройная девушка, с лицом строгим, даже грустным...

Они говорили о будущем, которое свяжет их молодые жизни в одну. В их отношениях не было мятежной страсти, не было глупой влюбленности — было взаимное уважение, была безграничная дружба, скрепленная ясным сознанием, что у обоих одна цель жизни.

...Как за эти шесть лет много изменилось в Гавани! Старый будочник Евстигней растерял последние зубы, — уже не говорил, а шипел. Теперь он вскакивал, когда мимо будки проходил Илья, вскакивал и нелепо салютовал летающему гардемарину своей неповоротливой, непослушной алебардой. А шесть лет назад он раз здорово надрал Илье уши, — грозился даже крапивой выпороть.

Его товарищи «индейцы» устроились кто куда — кто в фельдшерском училище, кто в мореходных классах... Говорили уже хриплым басом, обзавелись трубками и свирепо смолили махорку.

Таинственные подарки

За эти годы произошло одно важное происшествие: мать Елены перестала получать и без того редкие письма от своего мужа, который плавал на дальнем Востоке на судах Российско-Американской компании штурманом на шхуне «Тюлень». В последних письмах Павел Кузьмич писал жене, что скоро приедет в Гавань, выйдет в отставку, будет жить на пенсию... Писал еще как-то неопределенно, что де слава Богу, вернется «со средствами». И вдруг... зловещее молчание! Год прошел, другой... нет вестей!

Отправилась Марфа Петровна в правление Российско-Американской компании справиться, в чем дело. Там ее огорошили известием, что де со шхуной «Тюлень» произошло несчастье: часть экипажа пропала без вести. По предположению секретаря, в числе пропавших приходится считать и штурмана Мишурина, так как о нем никаких сведений нет.

— Мы производим еще следствие, — добавил секретарь безучастным голосом, глядя куда-то в сторону. — Российско-Американская компания не жалеет средств на спасение своих служащих... О последующем вы, сударыня, не извольте беспокоиться, — вы будете уведомлены своевременно. Имею честь!

Ничего она больше так и не узнала, только ей стали выдавать вместо положенного жалования мужа пенсию в «усиленном размере» — на 10 рублей в месяц больше обычного.

Марфа Петровна Мишурина потеряла голову: вдова она или нет? Панихиды ей служить или молебны?

И вот однажды утром в будни, когда гаванские улицы почти безлюдны, так как все жители заняты делом, кто в городе на службе, кто в огороде копается, кто хлопочет по хозяйству, кто рыбку удит на взморье, у домика Мишуриных остановилась «гитара»... С нее соскочил какой-то господин почтенной наружности с семью бакенбардами и поспешно вошел в домик, стукнулся лбом о косяк и

спросил, здесь ли обитает Мишурина Марфа Петровна. Не говоря больше ни слова, вручил ей какой-то пакет, вышел из дома, сел на свою «гитару» и укатил.

В конверте оказались тысяча рублей и записка, никем не подписанная, в которой было сказано, что штурман Мишурин жив и находится в плену. Кроме того, в записке была просьба не доискиваться, кто послал деньги. Марфа Петровна отслужила благодарственный молебен и спрятала деньги в перину.

Прошел год... И ровно в тот же день повторилась та же история: опять задремала «гитара», опять тот же почтенный господин соскочил с нее, вошел в дом Мишуриной, опять треснулся головой о тот же косяк, передал Марфе конверт с одной тысячей рублей и также быстро исчез. Опять Мишурина отслужила молебен за здоровье плавающих, путешествующих и плененных вообще, а за раба Павла в частности, и запрятала новую тысячу в ту же перину. «Леночке на приданое», сказала она со вздохом.

Никому в Гавани она об этих таинственных ежегодных подарках не сказала, кроме соседки Маклецовой Марии Кузьминишны. Только ей и рассказала. Хороший человек была Маклецова, сердечный и спокойный. Горе своего преждевременного вдовства несла безропотно, и всю свою неизрасходованную любовь перенесла на единственного сына Илью. Обеих женщин-соседок связывали и сходство характеров и судьба их мужей — и тот и другой были моряками, служили в Российско-Американской компании, плавали в Беринговом море, и там, вдали от семьи, где-то далеко боролись и погибали во льдах и снегах... С одинаковой покорностью годами ждали их возвращения жены, оставленные в Гавани, и обе покорно склоняли свои головы перед злыми прихотями капризной судьбы.

Ничего не подозревая о тысячах, лежащих в перине, Елена знала от матери, что ее отец жив. И вот к мечтам Ильи плавать во льдах Берингова моря присоединилась упорная мечта Елены — отправиться на поиски отца... Молодые люди решили обвенчаться и ехать вдвоем на поиски Мишурина. Илья надеялся устроиться на службу в Восточно-Сибирскую флотилию, а затем перейти на службу в Российско-Американскую компанию.

Так детская любовь к Северному морю, тяга к безвестной могиле отца теперь в глазах Ильи укрепилась определенным стремлением дорогой его сердцу девушки, — отыскать отца, вырвать его из лап каких-то неизвестных хищников.

Вадим Холмский

Гардемарина князя Вадима Холмского тоже тревожили мечты, но совсем другие. Они, однако, с такой же силой овладели его умом и сердцем и так же наполнили все его существование.

Он начался сочинений Сен-Симона, Фурье и бредил картинками будущего человеческого благополучия. Он верил, что придет время, когда не будет знатных и богатых, когда все будут равны...

И вот на дому у него, в его уютном кабинете, в отдельном флигеле стали собираться по субботним вечерам такие же мечтатели, как он сам. Восторженные речи... Горящие глаза... Бестолковое махание руками и всклокоченные волосы... И совершенное недоумение старого княжеского камердинера Фрола Саввича, который был приставлен к молодому княжичу, жил при нем «на покое». Старик в молодом князе души не чаял — называл его «мой князьенка». В субботнем галдеже старик ровно ничего не понимал, даже как будто боялся каждой суббо-